

12 мая 1923 года на государственное хранение в архив Самарской губернии был принят пакет датированных 1802–1874-ми годами документов, которые включили в себя 20 единиц хранения разного объёма и составили фонд Стобеусов. Звучит обыденно, но нужно понимать, что для того времени произошло отнюдь нерядовое событие. Недавно закончились активные боевые действия Гражданской войны, люди едва-едва приходили в себя после страшного голода 1921-22-х годов, в ходе «классовой борьбы» были разорены все «дворянские гнёзда» на территории губернии и непосредственно Бузулукского уезда. Сколько людей погибло, сложно себе вообразить, а тут в архив принимают документы, которые отображают жизнь провинциальной дворянской семьи, какие-то записки на обрывках бумаги, хозяйственные документы, личную переписку.

---

* Главы из книги: Кольчев С.В. «Люди и камни» — Самара: ООО «Медиа-Книга», 2016 г.

В своё время при работе в читальном зале Центрального Государственного архива Самарской области мне довелось услышать несколько замечательных лекций по истории архива, которые проводила для студентов исторических факультетов Анна Анатольевна Буданова (к сожалению, она уже скончалась). За принятие таких документов на хранение можно было пострадать, но кто-то из научных работников на свой страх и риск сохранил их и не дал уничтожить. До войны случалось, что дореволюционные бумаги вагонами отправляли на макулатуру по приказам вышестоящих ведомств. В 2011 году вместе с работниками архива я предпринял попытку пролить свет на то, как эти бумаги попали в фонды учреждения, но, увы, никаких зацепок найти не удалось...

Впервые документы из фонда Стобеусов попали нам в руки в начале 2000-х годов, но тогда мы не решились их исследовать и, просмотрев, отложили в сторону. Теперь же настало время уделить им достойное внимание. Это находящиеся в Центральном Государственном архиве Самарской области приходно-расходные тетради, записная тетрадь заложенных крестьян, записи, заметки, письма хозяйственного характера, дневник записей семейных событий, переписка семейного характера с родными и знакомыми, всего 20 единиц хранения¹.

Итак, имея первоначальные сведения о семействе Стобеусов,

тронемся в путь. Собственно, о самом Якове Мартыновиче Стобеусе практически ничего нет. Речь в бумагах всё больше идёт об Олимпиаде Ивановне и окружении почтенной дамы. Жизнь её простой точно не назовёшь, хотя сама хранительница семейного очага Стобеусов, судя по переписке, была довольно простым человеком.

Самое раннее письмо из архива Стобеусов, которое датировано 23 июня 1797 года и написано в Оренбурге, приоткрывает важные подробности семейной жизни Олимпиады Ивановны. Неизвестный адресат писал в Симбирскую губернию Егору Алексеевичу Иглину письмо, которое начиналось так: «Милостивый государь Мой братец Егор Алексеевич и милостивая государыня сестрица Олимпиада Ивановна». Не буду приводить всё это послание, которое написано мелким, витиеватым, убористым и трудно читаемым почерком на четвертинках бумаги, похожей на папиросную. Важно здесь вот что: очевидно, что автором письма выступил брат Е.А. Иглина.

В этом же 17-м деле есть ещё одно из самых ранних, но не датированных писем, неизвестно и место отправления. Написано оно на серовато-синей плотной бумаге размером с ученический тетрадный листок крупным почерком. Позволю себе привести полностью содержание этого занимательного письма. Орфография и пунктуация сохранены в точности.

«Матушка друг мой милая Алимпияда Иванавна

Абрадавалась очинь миламу твам у писму жаль только что ты так не надолго в наши места приехала и что я тебя маво друга не увижу ещё можить быть надолга па любви маей к тебе ты можишь себе представить сколько приятно мне с табой свидание пожаласта кагда ты возвратисса из Симбирска то уведошь меня я пастараюсь сама приехать За тем прасти мой друг сердешнай Желаю тебе здаровья и удавольствия цалую тебя сто раз твой друг К.Б. разцалуи за меня сваво Егора Алексеевича я вам мои милая очинь многа благодарна за писания только пажаласта употребляете со мной меньше палитики с другам жены вашей ана не нужна и всякая агаворка вам препаручаю За меня миленка друг с другам пацалаваца и если бы можна я бы летела сваими видитца

Сёстры мои вам кланеютца».

Ну а теперь, пожалуй, самое важное свидетельство, которое оставила в одном из деловых писем сама Олимпиада Ивановна. «На востребование от городничего... его 1831 года подала объяснение, имею я — земли безлесной — доходу имею до 1000 серебряных рублей в год а по неурожаю и как год... имею в процентах денег, но процентов не получаю и потому задолжала сама 3000 ср... (серебром — прим. С.К.), имею я от первого мужа капитана Иглина двух дочерей ныне в замужестве (?) От 2 имею 3 х сыновей, 1 ую дочь отдала в замужество за...

капитана Лопатина, учила детей у разных учителей — платила в год до 1500 ср... определила 2 х сыновей в Петербург в дворянский полк и младший мой сын учится в Петербурге во 2 ой гимназии на моём иждивении... по 1000 ср в год, определила и доставила всех на собственное моё иждивение, имею от роду 55 лет, наследство получить неоткуда в виду не имею прошу (?)... бедности а по заслугам покойного мужа моего за 40 летнюю беспорочную службу как указано повелевать (?) Году... надворная советница Олимпиада Стобеус»².

Настало время сделать первые обобщения. Олимпиада Ивановна Стобеус, в первом браке Иглина, — мать пятерых детей. После смерти Егора Алексеевича Иглина вышла замуж за Якова Мартыновича Стобеуса, который сорок лет своей жизни отдал государственной службе. Жизнь Олимпиады Ивановны по косвенным данным была связана с Симбирской губернией, но большая её часть прошла в Оренбуржье.

Дворянская фамилия Иглиных также встречается в связи с Симбирском. Впрочем, есть упоминания и об их оренбургских связях. «Иглин Василий Алексеевич (1747 — после 1777) — офицер Оренбургского гарнизона, поручик. В мае — июне 1772 г. он участвовал в карательной военной экспедиции генерала Ф.Ю. Фреймана, посланной из Оренбурга на подавление восстания яицких казаков «мятежной стороны». С октября 1773

служил в Оренбурге, участвовал в его обороне от осадившего город войска Емельяна Пугачёва. При вылазке гарнизона против повстанцев, состоявшейся 14 ноября, Иглин был тяжело ранен от разрыва пушки. После излечения в течение нескольких лет продолжал служить в том же гарнизоне, в 1777 произведён в капитаны. Иглин упоминается в записках М. Н. Пекарского, оказавшихся в руках Пушкина в 1836 г.»³

Изучение родословной Стобеусов стало возможным благодаря самым неожиданным открытиям. Поэтому задержим внимание читателей на этой теме. Зимой 2014 года в Российском Государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге были найдены нужные нам родословные сведения. Яков Стобеус родился примерно в 1763 году, поступил на службу Российской короне лекарским волонтером 14 сентября 1775 года, 19 ноября 1786 года утверждён лекарем, 31 декабря 1789 года — штаб-лекарем. Определён в г. Бузулук 1 сентября 1791 года. За усердие в службе 1 февраля 1797 года назначен уездным врачом. 31 декабря 1797 года получил чин коллежского асессора, 31 декабря 1816 года пожалован чином надворного советника. Умер 5 июля (?) 1825 года. Имел крестьян 15 душ мужского пола и 5000 десятин земли в деревне Родник (Иртек) Бузулукского уезда. Дети: Александра, Елизавета (от первого брака супруги) и родные

сыновья Николай, Виктор, Александр. Женат на дочери капитана Скорядина и вдове капитана Е. А. Иглина Олимпиаде Ивановне (умерла 16 февраля 1835 года, то есть спустя 10 лет после смерти второго супруга). Внесён в третью часть Оренбургской родословной дворянской книги⁴.

Тут-то и выясняется девичья фамилия Олимпиады Ивановны — Скорядина. Ну а что же Яков Мартынович, откуда он появился на бузулукской земле, каков был его характер и прочее? Некоторые ответы на эти вопросы были получены, как бы странно это ни звучало, благодаря Отечественной войне 1812 года...

Бузулукский край и война 1812 года

14 ноября 1812 года повалил густой снег, сразу же засыпавший Бузулук и его окрестности. В этот же день города с трудом достигла партия военнопленных французской армии, которых этапировали в Оренбургскую губернию, подальше от театра военных действий. В составе этой партии был юный немецкий солдат из Ганновера Циммерманн (как известно, в составе армии Наполеона Бонапарта воевали представители различных европейских государств), который тяжело заболел. Он свалился в одном из домов и не умер скоропостижно только от того, что русская женщина, пожалев беднягу, ухаживала за ним.

Казалось, дни Циммерманна, несмотря на все заботы, были сочтены, когда в самый критический момент появился доктор...

Вот как впоследствии вспоминал сам немец: «Однажды утром в душную комнату вошёл чужой господин, богато одетый. После короткого разговора с домохозяином и его женой он подошёл к моей лежанке и спросил меня на немецком, француз я или немец. Если я скажу здесь, что от этого обращения и звуков столь дорогого родного языка было достаточно, чтобы вновь пробудить меня от смертного сна, я действительно не преувеличу. Мы ведь обнимались с бродячими евреями, потому что они говорили по-немецки, и когда бы нам ни встречался такой человек, будь он бедным или богатым, нарядным или в лохмотьях, он должен был быть принят также. И вот, на одре болезни, перед лицом смерти — для меня это было как ангел, посланный с небес, чувство, которое можно только ощущать, но не описать.

Ещё и сейчас я ярко представляю себе почтенное его лицо, как он стоял: седую голову освещает слабый свет из маленького оконца. Когда я ему ответил, он спросил о моём состоянии, подошёл и прощупал мой пульс — таким образом, это был врач. «Вы больны — сказал он, — но не теряйте мужества. Я сейчас же пришлю вам лекарство, принимайте его регулярно. Я скажу вашим хозяевам, чтобы они лучше с вами обращались, так что мужайтесь!»

Потом он поговорил с моими хозяевами и ушёл, а через четверть часа пришёл русский юноша, помощник доктора, принёс и дал мне лекарство. Сколько времени он поставлял мне лекарство, я не знаю, но что мне действительно запомнилось, что в моих фантазиях этот врач появлялся как спасительный ангел, я и сегодня ещё чувствую благодарность, искренность которой подтверждается этими фантазиями.

Я болел десять недель. Всё это время меня снабжали супом и сытной едой с кухни врача. Около Пасхи я наконец смог проделать путь до его дома, чтобы выразить благодарность, которая переполняла моё сердце. Якоб Габриель Штобойс (Stobaus) — имя моего покровителя. Он был урождённый пруссак. Получив в награду за долгую службу в армии дворянский чин, он женился на вдове помещика, у которой были сёла с крестьянами. В то время ему было шестьдесят, он вышел в отставку и стал губернским врачом для инвалидов. Его жена, красивая и любезная женщина, внушала каждому, кто с ней соприкасался, уважение своим импозантным видом и благородным, я бы сказал, княжеским поведением. Две их дочери, Александрина и Элизабет, пятнадцати и тринадцати с половиной лет, были интересными и очень любезными девочками. Тогда они находились в соседнем селе, Александрове, в пансионе, который содержал французский эмигрант. Они редко приезжали

к родителям, уже прилично разговаривали по-французски и охотно танцевали вальс под мою флейту, на которой я играл с большим умением. Младший ребёнок был Якоб, годовалый мальш. Вся семья сделала мне исключительно много хорошего. Не менее дружелюбным был Илья, помощник доктора, его жена и двое детей»⁵.

Когда мне впервые пришлось прочитать воспоминания Циммерманна, то не сразу почувствовал созвучие фамилии Штобойс и Стобеус, а потом всё встало на свои места. Это было как раз в те дни, когда буквально по крупицам приходилось собирать сведения о Стобеусах.

Несколько строк о Стобеусах написал в своих мемуарах другой пленный и не менее юный по сравнению с Циммерманном офицер Рюшпель. Рюшпель (Rppel) Симон Эдуард (24.11.1792 – 27.12.1863), вестфальский офицер, мемуарист. Окончил военную школу, с 1810 года унтер-лейтенант 2-го вестфальского гусарского полка. В 1812 году – во 2-й роте 1-го эскадрона этого полка, в 24-й бригаде лёгкой кавалерии 8-го армейского (вестфальского) корпуса. Ранен и взят в плен в бою у Валутиной горы под Смоленском (7/19.08.1812) (в полку считался умершим в плену), отправлен в Оренбургскую губернию, где вскоре отметил своё 20-летие. Вернулся на родину в 1814 году; поступил на австрийскую службу в уланский полк и проделал поход во Францию в 1815 году.

После выхода в отставку работал на почте во Франкфурте-на-Майне. В 1855 году восстановил могилу полковника Е.И. Бедряги, погибшего в 1813 году, за что получил благодарность русского императора Александра II. Оставил воспоминания о начале русской кампании и о нахождении в плену, в которых очень доброжелательно отзывался о России.

Рюшпель был сначала отправлен в Оренбург, где ему понравилось, но потом, к огорчению пленного офицера, его с некоторыми другими собратями направили в Бузулук и поселили в обычной избе. Не успевши толком обжиться на новом месте, Рюшпель, как человек дворянского происхождения, был приглашён бузулукскими дворянами Племянниковыми (кстати, будущими родственниками Стобеусов) в их поместье Племянниково или Покровское. Сегодня это село Покровка недалеко от Бузулука по правую сторону автодороги Бузулук – Бугуруслан.

Надо полагать, что жизнь в провинциях, далёких от театра военных действий Отечественной войны 1812 года, изменилась незначительно, хотя представители дворянских семей во множестве были в армии. В усадьбах соблюдался обычный распорядок. Нет ничего удивительного в том, что русские дворяне приглашали к себе в гости пленных дворян из армии врага. Так проявлялись сословные предпочтения. Интересно заметить и то, что во

времена французского нашествия у разных представителей русского общества были сильны симпатии к Наполеону, а уж о поклонении всему французскому и общем дворянском увлечении французским языком и говорить не приходится. Война шла за тысячу вёрст, в местах, где, заметим, офицеры и солдаты армии Наполеона были далеко не так благодущны по отношению к русскому населению.

По воспоминаниям выдающегося оренбургского генерал-губернатора Василия Перовского (1795—1857), который 20-летним офицером побывал во французском плену и почувствовал на себе всю прелесть «европейского обхождения» с пленниками, он столько всего претерпел и чудом остался жив, а вот многим его собратьям по несчастью не удалось дожить до освобождения из плена.

Впрочем, мы не обвиняем Племянниковых (у которых двое сыновей служили в Архангельском егерском полку), вполне вероятно, ими двигало чувство сословной принадлежности и обыкновенное человеческое любопытство. В глубинке, которая ещё не была толком освоена и во многом безлюдна, общение с иностранцами было в те времена сродни развлечению и возможности показать их своим детям, которые изучали иностранные языки. По неведомому стечению обстоятельств, Племянниковы после революции 1917 года окажутся во Франции и станут одними

из предков известного французского режиссёра Вадима Роже (настоящее имя — Вадим Игоревич Племянников, 1928—2000).

Итак, Рюппель сотоварищи на изящных санках, предоставленных Племянниковыми, отправился к ним в усадьбу, где их ждали сливки местного общества, великолепный приём, свободное общение на французском языке, изысканный стол и танцы. «Пока мы общались в салоне, наступил вечер. Лакеи принесли большие жирандоли с восковыми свечами и скоро нас окружил их мягкий свет. Старшие дамы и господа направились к игровому столу, а мы с девушками двинулись в большой зал, где под флейту и две скрипки, на которых играли крепостные, изрядно потанцевали. Но так как мы, как уже было сказано, были под хмельком, нам пришлось собраться с силами, чтобы не перекувыркнуться на натёртом до блеска паркете в нашей довольно-таки неуклюжей обуви. В одной из пауз мсье Арнфо (Arnefaud), достаточно пожилой офицер из 21-го линейного полка, танцевал англез. Мне он, правда, показался больше похож на матросский танец, которому он мог обучиться в своём тамошнем плену, на понтонах... Мы, молодые дамы и несколько стоящих вокруг слуг больше не могли сдерживаться и разразились смехом, когда длинный неуклюжий танцор важно посмотрел на нас, проверяя, достаточно ли мы восхищены его искусством. После него Пулевски, самый горячий

поляк, которого я только видел, танцевал мазурку с прекрасной Александрой ф. Штобойс, причём с такой грацией и виртуозностью, что играющих позвали из салона, чтобы они тоже насладились танцем. Те тоже были так поражены, что всё время кричали «slawna! prekrasnoi! prekrasnoi!» — вспоминал Рюппель⁶.

Однако предыдущие тяготы плена и трудности перехода из Европы к азиатским пределам подорвали здоровье иностранцев, излишества приёма радушных хозяев спустя время привели к болезни. Офицер слёг, доктор Стобеус и фрау Племянникова (урождённая Карамзина, родная племянница нашего великого историка Николая Карамзина) прикладывали максимум усилий, чтобы спасти гостя: «Искусный доктор Штобойс через день приезжал из Бузулука, он прописал мне лучшую хину и горькие эссенции, но моё состояние совсем не улучшилось, и приступы происходили с той же частотой, что и в первые дни. Фрау Племянникова была сама не своя, она опасалась, что я не выживу. Весь день она сидела у моего ложа и, хотя и говорила только по-русски, пыталась меня развлекать и одновременно обучать языку. При таком заботливом уходе через несколько недель я снова стал на ноги. Моя лихорадка перешла в трёхдневную, но ещё больше меня трясло, когда наступал пароксизм. Я стал так слаб, что начались обмороки, и я начал терять силу духа. Моё малодушие в конце концов

приняло форму меланхолии, и хотя все пытались меня развеселить, моё самочувствие ни с какой стороны не улучшилось. Фрау Племянникова, которая любила меня как собственного сына, была этим очень озабочена и распорядилась для моего развлечения привезти в Покровское ещё пару моих друзей из Бузулука»⁶.

В конце концов Рюппель выздоровел. Он вспоминает, как горевал, когда до него дошли сведения о разгроме, как он выразился «нашей», то есть наполеоновской армии при Березине: «Мы не сомневались, что эта прекрасная армия потерпела поражение только вследствие климатических условий; всё же император ещё был жив, так же как и большинство его великих генералов, и у нас ещё были серьёзные шансы, на которые можно было рассчитывать»⁶.

Святая простота... и не знаю, у кого её было больше — у этого молоденького иноземца из «Евросоюза XIX века» (а как иначе назвать наполеоновскую империю?), который остался жив благодаря заботам русской дворянки и немца-врача, но всё же не терял надежды, что армия Наполеона воспрянет и поработит Россию, или у радушных хозяев, которые как родного выходили пленника, ещё остававшегося политическим противником их Отчизны... Впрочем, Рюппель попал в плен во время жестокого сражения у Валутиной горы, где велись отнюдь не политические дебаты.

Почитайте об этом бое. Там погибли многие тысячи людей с обеих сторон, но русское оружие не посрамило себя. Не зря сослуживцы посчитали Рюппеля погибшим.

Время расставило всё на свои места, и в 1815 году Рюппель уже воевал против Франции, а в 1855 году, очевидно, памятуя о том, как его жизнь спасали эти «странные русские», восстановил могилу русского полковника, погибшего в Германии во время наполеоновских войн. И его за это поблагодарил сам российский император! Если бы соплеменники Рюппеля читали его воспоминания и памятовали бы об участии Наполеона, пошли бы они войной на Россию в 1914 и 1941 годах? Вот вопрос вопросов!

Впрочем, часть германской государственной элиты и сегодня готова повторить ошибки своих предков. Неужели представители современного правящего класса Германии, который активно реализует свои интересы в событиях на Украине, думает, что имеет право вновь вмешиваться в дела русского народа? Неужели нет понимания того, что к жизни вызываются трагические фантомы прошлого, в особенности, трагедия Второй мировой войны. Только начали зализываться раны, нанесённые в 1941—45 годах, как снова осуществляется неприкрытое давление на Россию. Сейчас думают, дескать, Германия на Украине действует только лишь в интересах США и намеренно вредит себе. Нет, думается, здесь

есть чувство неприкрытого реванша за 9 мая 1945 года. Но пусть никто не заблуждается: вызванные к жизни фантомы ударят в первую очередь по самой Германии. Вернёмся, однако, в более давние времена.

Пленные Циммерманн и Рюппель оставили бесценные свидетельства о жизни и быте горожан и крестьян Бузулукского уезда в начале XIX века. Мы ещё неоднократно с благодарностью обратимся к этим воспоминаниям в будущих книгах. Сейчас же выразим искреннюю и глубокую признательность кандидату исторических наук, научному сотруднику Музея-заповедника «Бородинское поле» Сергею Хомченко, который проделал большую работу по исследованию воспоминаний и радушно предоставил их учёным Оренбуржья!

Итак... Яков Стобеус был пруссаком, то есть немец из Пруссии, родился примерно в 1763 году, поступил на службу Российской короне лекарским волонтером 14 сентября 1875 года, где-то в возрасте 12-13-ти лет. Вызывает недоумённый вопрос, как мальчик попал в нашу страну, которая стала его новой родиной, при том, что он родился и перебрался в Россию во времена прусского короля Фридриха II Великого (1712—1786), в год завершения Семилетней войны (1756—1763), в ходе которой Российская империя воевала с Пруссией? Здесь могло быть несколько вариантов. Иноземцев, по большой части немцев, охотно приглашали

в Россию. Яков мог перебраться вместе со своей семьёй или в качестве ученика своего наставника-доктора, а потом так и остался. Стобеус служил исправно, стал военным врачом, был направлен в Оренбургскую губернию. Заработав службой Российской империи дворянский титул, Я. Стобеус был принят в дворянских кругах Бузулукского уезда, устроил свою семейную жизнь, а также обладал обширной врачебной практикой и, судя по всему, был не богат, но и не беден. 31 декабря 1816 года Яков Стобеус был удостоен чина надворного советника, что давало ему привилегии потомственного дворянина. Примерно за полтора года до своей смерти, 14 декабря 1823 года указом императора Александра I Яков Мартынович за 35-летнюю ревностную, усердную и беспорочную службу был удостоен ордена святого князя Владимира IV степени.

Уже упоминается селцо Александровка, может быть, это и есть будущее село Александровка-Стобеус. В то же время имеющиеся сведения позволяют говорить о том, что семейство Стобеусов постоянно проживало в Бузулуке. Нам довелось слышать, что на старом городском кладбище было надгробие с фамилией Стобеус. Правда, сколько ни искали, найти пока не смогли. Историческое бузулукское кладбище сильно пострадало в советские времена.

Немец по происхождению, Стобеус не мог остаться равнодушным к судьбе пленных

германцев, хотя не только пленники отмечали сострадательность и другие замечательные человеческие качества в Якове Мартыновиче. Не буду утверждать... Но этот человек вызывает симпатии. Как его описывают? Яков был почтенным, добрым, седовласым человеком и хорошим врачом, который спас не одну человеческую жизнь. Тосковал ли он по своей далёкой родине? Думается, что тосковал, но каково утешение? Оренбуржье, пусть и было тогда малообжитым, но благодатным и красивым. Человеческое сердце отзывчиво на благодать.

ИСТОЧНИКИ:

1. ГБУСО «ЦГАСО» Ф. 162. Оп. 1.
2. Там же. Ф. 162. Оп. 1. Д. 7.
3. http://www.hrono.ru/biograf/bio_i/iglin.html (дата обращения 7.02.2015).
4. РГИА Ф. 1343. Оп. 29. Д. 6960. Л. 8.
5. С.Н. Хомченко. «Из воспоминаний французского военнопленного К. Циммерманна о пребывании в плену в Оренбургской губернии» // Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов и материалов. Уфа. 2012. С. 363–372.
6. С.Н. Хомченко. «Мемуары Симона Эдуарда Рюппеля о пребывании в Оренбургской губернии в качестве военнопленного в 1812-1813 гг.» // Отечественные войны 1812-1814 и 1914-1917 гг.: Память и уроки: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 346–373.